

ЭХО УГАСШИХ

— С В Е Т И А —

— КОЛЬЦА ЖИВОГО НЕБА —

СЕМЯ НАД ЛИАВЕЛЕМ

— * * * Т О М I * * * —

НИКОЛАЙ СИМКИН

Кольца живого неба

Николай Симкин
Семя над Лиавелем

«Автор»

2026

Симкин Н.

Семя над Лиавелем / Н. Симкин — «Автор», 2026 — (Кольца
живого неба)

Первое орбитальное семя готово покинуть почву Лиавели. Внутри него уже растут сады, водные каналы и живые системы, которым предстоит стать первым постоянным домом Мюридов над планетой. Но незадолго до подъёма молодая Ткачиха Алиэль замечает неизвестную эфирную нить. Семя откликается на неё и начинает менять форму вопреки многолетнему проекту. Теперь мастерам, будущему экипажу и открытому совету предстоит решить, что опаснее: заставить живую оболочку следовать старой схеме или доверить ей приспособление к небу, которого они ещё не понимают. «Семя над Лиавелем» — роман о первом шаге в космос, цене знания и ответственности за решение, которое невозможно полностью проверить до старта.

© Симкин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бирюзовый мир	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Симкин

Семя над Лиавелем

Глава 1. Бирюзовый мир

В то утро орбитальное семя отняло у сада половину неба.

Алиэль стояла на нижней террасе, запрокинув голову, и смотрела, как над каменной чашей медленно поднимается тёмно-зелёный бутон. Его основание ещё лежало в воде среди переплетённых питающих корней, но вершина уже возвышалась над соседними кронами. Внешняя оболочка казалась гладкой лишь издали. Вблизи на ней проступали тонкие жилки, закрытые поры и широкие пластины будущих лепестков. По матовой поверхности время от времени проходила серебристая рябь: Эфирные печати одна за другой проверяли герметичность полостей, которым предстояло удерживать воздух вдали от Лиавели.

Семя выглядело здоровым.

И всё же оно росло не туда.

Вокруг корневой чаши работали несколько десятков Мюридов. Одни следили за составом воды, другие касались ладонями контрольных пластин, выращенных прямо на оболочке, третьи поднимались по гибким мосткам к верхним лепесткам. До отделения оставалось девять рассветов. Никто не спешил. Спешка здесь означала не выигранное время, а пропущенное изменение.

Над плато стояло ясное утро Лиавели. Широкие жемчужные облака медленно тянулись от внутренних морей к горам. Далеко внизу бирюзовые леса спускались к речной равнине, переливаясь от густой морской зелени до почти голубого серебра. Между кронами блестели озёра. Ваэлиар уже поднялся над восточным краем хребта, и влажный воздух пах нагретой листвой, цветущими лозами и мокрым камнем.

Обычным зрением в этом утре нельзя было найти изъяна.

Алиэль подняла ладонь, заслонила светило и позволила краскам отступить.

Эфир проступил постепенно. Сначала воздух будто разделился на прозрачные слои. Затем появились цвета. В корнях семени двигались густые зелёно-золотые потоки роста. Серебряные петли лежали вокруг печатей, насыщенных ещё ночью. Над бутоном поднимались длинные голубые нити тёплого воздуха, а между ними дрожали почти бесцветные волокна облачной влаги.

Выше проходила ещё одна нить — тонкая, серо-синяя.

Она не принадлежала ни саду, ни облакам, ни известным потокам над плато. Нить пересекала восходящие волокна под малым углом и терялась в яркости неба. Позавчера Алиэль уже видела похожий отблеск западнее, но тогда над горами шёл дождь, и она решила, что ошиблась. Накануне нить появилась снова и исчезла прежде, чем удалось сохранить её рисунок.

Сегодня она держалась.

Алиэль медленно повернула кисть, разводя ближайшие потоки. Тёмные узоры на запястье засветились. Вдоль предплечья проявился дополнительный слой тонких линий — слабый и ровный. Она не плела, лишь отсекала помехи одну за другой.

Серо-синяя нить стала яснее.

В тот же миг по оболочке семени прошла серебряная рябь, и нить дрогнула.

Алиэль опустила руку.

— Ты снова смотришь выше, чем нужно.

Таэрин стоял у края террасы и придерживал молодую ветвь мостка, чтобы та не задела проходившую помощницу. Он был старше Алиэль на много лет, однако возраст выдавали глав-

ным образом тонкие складки у глаз да сложность татуировок на висках. В покое они напоминали тёмный растительный орнамент. Сейчас несколько знаков возле скулы едва светились: Таэрин поддерживал Плетением корневую чашу.

— Именно выше находится то, что мне не нравится, — сказала Алиэль.

— У неба есть такая привычка.

Она взглянула на него, и улыбка исчезла с его лица.

За годы её обучения Таэрин привык к дополнительным наблюдениям, поздним проверкам и просьбам повторить измерение, которое остальные уже сочли завершённым. Иногда Алиэль находила ошибку. Чаще выяснялось, что она слишком долго смотрела на обычное колебание потока и придала ему значение. Таэрин не хвалил её в первом случае и не упрекал во втором. Он только заставлял сохранять рисунки.

— Покажи.

Они отошли к западному краю террасы, где свет Ваэлиара меньше мешал видеть верхние слои. Алиэль коснулась двумя пальцами контрольной пластины, выращенной в бортике. Простая печать удерживала последний выделенный ею рисунок. Серебряные линии вспыхнули, и над пластиной возникла полупрозрачная схема потоков.

Алиэль обозначила серо-синюю нить.

Таэрин изучал её долго.

— Далеко, — сказал он.

— Да.

— Выше расчётного слоя подъёма.

— Сейчас — выше.

Он перевёл взгляд на семя. За толстой оболочкой уже формировались внутренние сады, водные каналы, дыхательные мембраны и ложа для навигационных печатей. Ещё девять расцветов бутонов должен был питаться от почвы Лиавели. Потом корни разомкнутся, вода уйдёт из чаши, и корабли подъёма поведут семя в небо.

— Ты видела её раньше? — спросил Таэрин.

— Дважды. В первый раз приняла за край дождевого потока. Во второй не успела снять рисунок.

— Направление совпадало?

— Нет. Оба раза нить проходила западнее.

— Тогда это не постоянный орбитальный поток.

— Или мы видим разные участки одного изгиба.

Таэрин повернул схему движением пальцев.

— При такой высоте изгиб должен охватывать значительную часть планеты.

— Поэтому я и смотрела выше.

— Подобную структуру заметили бы раньше.

— Возможно, раньше она не проходила над этим плато.

Он погасил схему.

— Ты принесла мне одно сохранённое наблюдение и два воспоминания.

— Я принесла нить, которая отзывается на работу печатей.

— Пока ты принесла одновременность двух событий. Связь ещё нужно доказать.

Алиэль сдержала возражение. Он был прав, и это раздражало сильнее, чем если бы он просто не поверил.

Они направились к корневой чаше.

Террасы сада лежали на нескольких уровнях. Живые лестницы и широкие переходы цеплялись корнями за камень, огибали уступы и уходили под прозрачные настилы. Мастера задавали им направление, ширину и предел изгиба, но не выбирали каждую опору заранее. Ткань сама находила трещины в породе и закреплялась там, где гора могла её принять.

На средней террасе дети из ближайшей школы собирали опавшие оболочки питающих плодов. Они раскладывали их по корзинам, споря, какие лучше подойдут для новых водяных фильтров. Один мальчик взялся за слишком тяжёлую корзину; двое других, не прекращая разговора, подхватили ручки с обеих сторон. Наставница заметила это, но вмешиваться не стала.

На миг Алиэль ощутила детей через Единение. Не мысли, не слова — только близкие Нити, каждая со своим рисунком. Раздражение одного, усталость другого, ничем не нарушенное присутствие остальных. Опасности не было, и внимание скользнуло дальше.

У чаши Единение становилось плотнее. Здесь работали Ткачи разных ступеней. Нить Таэрина чувствовалась рядом; Иара находилась по другую сторону семени; Сэйра — наверху, возле будущего навигационного лепестка. Чужое присутствие не проникало в сознание. Оно лишь оставалось рядом, позволяя узнать боль, испуг или внезапное истощение прежде, чем прозвучит зов.

Таэрин остановился у низкой арки, ведущей внутрь обслуживающего сада.

— Проверим, отвечает ли семя на нить. Потом пойдём к Сэйре.

— И к совету.

— Если подтвердим связь.

— Она уже видна.

— Тебе.

— Этого недостаточно?

— Для тревоги — достаточно. Для решения — нет.

Внутри обслуживающего сада было прохладно. Стены состояли из плотных светлых волокон, между которыми медленно двигалась вода. Сквозь полупрозрачные участки виднелись корни семени — толстые, серебристо-зелёные, уходящие в глубину чаши. По ним поднимались питание, минеральные растворы и накопленный Эфир.

Таэрин приложил ладонь к контрольной пластине.

— Внешняя оболочка.

Пластина потеплела. По ней разошлись линии, обозначавшие слои бутона. Алиэль видела материальную схему, а поверх неё — эфирный рисунок. Почти всё совпадало с последней проверкой.

В верхней части одна линия роста стала тоньше. Соседняя, напротив, утолщилась и сместилась в сторону.

— Этого не было вчера, — сказала Алиэль.

— Было. Слабее.

— И ты не сообщил?

— Перераспределение соответствовало изменению освещения.

— Оно направлено к нити.

— Оно направлено на северо-запад.

— Нить сейчас там.

Таэрин провёл ладонью выше. Рисунок углубился. Несколько будущих каналов тоже отклонились от проектной оси. Изменение было небольшим, но согласованным: не повреждение отдельной ткани, а перестройка всей верхней части.

— Оно распознаёт поток, — сказала Алиэль.

— Семя не распознаёт так, как Ткач.

— Я знаю.

— Оно отвечает на условия роста. Не приписывай ему намерения.

— Я не говорю, что оно решило улететь само. Я говорю, что семя меняется раньше, чем мы поняли причину.

Таэрин кивнул.

— Так точнее.

Он убрал ладонь. Схема поблекла, оставив на пластине несколько тёплых линий.

— Если рост продолжится, верхний лепесток потеряет расчётную симметрию. Придётся переносить крепления подъёмных мембран.

— Перенесём.

— За девять рассветов?

— Семя уже переносит свои каналы.

— Семя не отвечает за тех, кто окажется внутри, если новая форма не выдержит подъёма.

Алиэль провела пальцем вдоль изменённой линии. Пластина слабо пульсировала под кожей.

— А мы отвечаем за него, если заставим расти по схеме, которая не соответствует настоящему небу.

Таэрин закрыл глаза и оставил ладонь на пластине. Татуировки на лице зажглись ярче; дополнительные линии проступили на шее. Алиэль не вмешивалась. Его работа требовала иной точности: отделить естественную реакцию живой ткани от направленного изменения, заложенного мастерами.

Через несколько минут свет погас.

— Повреждения нет, — сказал он. — И сопротивления заданной форме я тоже не чувствую.

— Но оно меняется.

— Да.

— Значит, идём к Сэйре.

Таэрин взглянул на схему ещё раз.

— Идём.

Сэйра не любила изменений в последние дни перед подъёмом. Не потому, что боялась неизвестного: она провела в высотных кораблях больше времени, чем любой из Ткачей сада. Но риск, по её убеждению, следовало назвать прежде, чем в него войдут. Всё остальное она считала не смелостью, а недостатком внимания.

На восточной террасе верхушка семени казалась совсем близкой. Широкие тёмные пластины ещё не раскрылись в орбитальные лепестки. Между ними мерцали печати. Несколько мастеров проверяли насыщение узлов у основания будущей навигационной чаши.

Сэйра стояла над ними на узком мостке. Ветер прижимал к её телу длинную светлую накидку. Она держала руки над раскрытой печатью, не касаясь поверхности. Серебряные нити под пальцами собирались в многослойную фигуру и снова укладывались в пластину. Сэйра не меняла узор — только проверяла его, — однако ближайшие ученики замерли, чтобы не отвлечь её даже движением.

Алиэль ощущала Нить старшей Ткачихи яснее, чем видела её лицо: ровную, собранную, без признаков усталости.

Они дождались, пока проверка закончится.

Свет погас. Сэйра опустила руки и посмотрела вниз.

— Если вы пришли вдвоём, один из вас увидел проблему, а второй ещё не решил, проблема ли это.

— Именно так, — сказал Таэрин.

Сэйра сошла с мостка. Она двигалась без торопливости и без лишних жестов — привычка тех, кто много работал там, где любое ненужное движение сбивает тело с опоры.

Таэрин показал ей сохранённый рисунок и изменения в тканях семени.

Сэйра изучила оба изображения, затем попросила Алиэль снова найти серо-синюю нить в настоящем небе.

— Не через пластину. Покажи направление.

Они поднялись на верхнюю площадку. Под ногами жила огромная конструкция, которой предстояло покинуть почву. Даже неподвижный бутон уже казался частью будущего пути, а не сада, где его вырастили.

Ваэлиар поднялся выше. Серо-синяя нить почти растворилась в его свете.

Алиэль закрыла глаза, медленно выдохнула и стала убирать из восприятия ближайшие слои: зелёно-золотое движение роста, серебряные петли печатей, голубые потоки верхнего воздуха. Когда она вновь открыла глаза, осталась одна тонкая линия, уходившая на северо-запад.

Она указала направление.

Татуировки Сэйры вспыхнули сразу несколькими слоями. Старшая Ткачиха смотрела дольше Таэрина.

— Вижу.

Алиэль только теперь поняла, как сильно ждала этого слова.

— Поток слабый, — продолжила Сэйра. — Неустойчивый. Он проходит слишком высоко, чтобы непосредственно повлиять на подъём.

— Семя ему отвечает.

— Возможно.

— И вы тоже?

Сэйра посмотрела на неё.

— Я буду говорить «возможно», пока мы не узнаем. Это не делает твоё наблюдение менее важным.

Снизу донёсся смех. Кто-то из учеников уронил связку пустых контрольных оболочек, и они покатались по наклонному настилу, звеня друг о друга. Несколько взрослых остановили их ногами, не прекращая работы.

— Что вы предлагаете? — спросил Таэрин.

— Наблюдать до вечернего поворота. Сопоставить положение нити с ростом семени. Ночью запросить независимую проверку восточной обсерватории.

— А отделение? — спросила Алиэль.

— До него девять рассветов.

— Перенос креплений займёт не меньше шести.

— Если перенос понадобится.

— Форма уже меняется.

Сэйра опустилась на одно колено и приложила ладонь к тёмной пластине под ногами.

Несколько мгновений ничего не происходило. Потом от её пальцев разошёлся мягкий серебряный свет. Он ушёл в оболочку и вернулся через соседние печати, показывая внутренний ритм семени.

Глубоко под пластиной двигалось питание. Работали заложенные узоры, росли ткани. Никакого тревожного сбоя Алиэль не увидела.

Высоко в небе дрогнула серо-синяя нить.

Пульс под ладонью Сэйры изменился: один промежуток между ударами стал короче.

Таэрин присел рядом и коснулся оболочки обеими руками.

Нить дрогнула снова.

Три будущих канала в верхней части семени одновременно сместились на долю ширины пальца.

На площадке стало тихо. Ветер приносил запах воды из корневой чаши и прохладу высоких облаков. Внизу продолжались разговоры; там ещё не знали, что прежней схемы больше нет.

Сэйра убрала ладонь.

— Остановить направляющее Плетение верхней части.

Таэрин поднял голову.

— Если остановить его сейчас, рост уйдёт за пределы схемы.

— Он уже ушёл.

— Тогда нужно вернуть.

— Нет. Сначала нужно понять, куда он идёт.

Алиэль посмотрела на Сэйру. Та не выглядела ни встревоженной, ни довольной. Только внимательной — такой же, какой становилась перед входом высотного корабля в незнакомый слой воздуха.

— Совет соберётся вечером, — сказала Сэйра. — До этого никто не меняет печати и не усиливает ответ семени. Наблюдение ведут три независимые группы. Алиэль, ты останешься здесь.

— Почему я?

— Потому что ты лучше остальных различаешь нить.

В другое время Алиэль услышала бы в этих словах признание. Сейчас это была работа, от которой зависел будущий экипаж.

Сэйра спустилась и начала отдавать распоряжения мастерам. Сад не замер, но порядок действий изменился. Ткачи закрывали активные печати верхнего роста, переносили контрольные пластины, проверяли глубинные ткани бутона.

Таэрин остался рядом.

— Ты рада? — спросил он.

— Чему?

— Что оказалась права.

Утром Алиэль хотела, чтобы он увидел нить, чтобы Сэйра признала отклонение, чтобы её наблюдения перестали считать излишней осторожностью. Теперь семя под ногами меняло форму, подготовленную годами работы. Внутри него должны были жить Мюриды. Подъём пройдёт через слой, которого никто ещё не понимал.

— Нет, — сказала она. — Лучше бы я ошиблась.

Таэрин кивнул.

— Теперь останься и докажи, что не ошиблась.

Он ушёл к нижним печатям.

Алиэль села у края площадки, положила рядом контрольную ленту и вновь открыла восприятие. Серо-синяя нить оставалась на месте. Теперь в ней различалось внутреннее движение: не течение в одном направлении, а медленная волна, проходившая вдоль огромного изгиба.

Ни одна известная ей нить не вела себя так высоко над Лиавелью.

Ваэлиар поднимался. Жемчужные облака меняли форму, тени от закрытых лепестков укорачивались. Через равные промежутки Алиэль сохраняла рисунок и отмечала отклик семени. Когда серо-синяя волна усиливалась, верхняя часть бутона меняла внутреннее давление и направляла питание в смещённые каналы. Когда нить бледнела, рост замедлялся.

Семя готовилось к условиям, которых не было в расчётах.

К середине дня на площадку поднялась Иара. Она принесла воду и тонкие ломтики плода, завернутые в прохладный лист.

— Ты не спускалась.

— Мне велели наблюдать.

— Наблюдение не требует обезвоживания.

Иара села рядом. В покое её татуировки были почти незаметны: короткие тёмные линии вдоль пальцев и несколько знаков у запястий. Во время лечебного Плетения они раскрывались множеством слоёв, но сейчас ничто в её облике не выдавало силы.

Алиэль выпила воду.

— Ты чувствуешь семя? — спросила Иара.

— Оно не Ткач.

— Я спросила не о Единении.

Алиэль положила ладонь на оболочку.

— Ткани не повреждены. Рост ровный. Если ты спрашиваешь, кажется ли оно спокойным, — да.

— Так можно сказать, пока мы не путаем состояние живой ткани с мыслями.

— Таэрин уже объяснил.

— Значит, мне можно не повторять подробно.

Иара посмотрела в небо, но не стала углублять восприятие. Её внимание обычно было обращено внутрь живого тела — к истощению, боли и тем нарушениям, которые ещё не проявились внешне.

— На совете предложат отложить отделение, — сказала она.

— Это безопаснее.

— Возможно.

Алиэль усмехнулась.

— Сегодня это главное слово сада.

— Потому что оно честнее уверенности, которой у нас нет.

— Что предложишь ты?

Иара отложила ещё один кусок плода и некоторое время смотрела на светлую мякоть.

— Проверить, что произойдёт, когда нить исчезнет. Если новая форма уже зависит от неё, остановка роста может оказаться опаснее продолжения. Если не зависит, у нас останется выбор.

— Таэрин захочет вернуть прежний рисунок.

— Таэрин захочет сохранить тех, кто будет внутри.

— Я тоже.

— Тогда спорить вам придётся о способе.

Алиэль кивнула. Было бы проще возражать тому, кто не понимал опасности или защищал собственное мастерство. Но все в саду хотели одного: чтобы семя поднялось и никто не погиб. Разногласие начиналось там, где каждый по-своему определял безопасный путь.

Иара поднялась.

— Через час тебя сменят.

— Я могу остаться.

— Можешь. Но усталый Ткач либо начинает видеть связь там, где её нет, либо пропускает ту, что находится перед ним. Сегодня нам не подходит ни одно.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

К вечеру серо-синяя нить истончилась. Ваэлиар опустился к западным облакам, и свет над горой стал медным. Тень семени легла через несколько террас и накрыла корневую чашу. Рабочие группы завершали проверки. На площадку поднялись два наблюдателя из восточной обсерватории и заняли места у контрольной пластины.

Алиэль передала им записи.

Перед спуском она ещё раз посмотрела вверх.

Нить почти исчезла.

В тот же миг семя перестало менять форму.

Оно не вернулось к прежнему рисунку и не исправило смещённые каналы. Рост просто замер, удерживая новый изгиб.

Алиэль положила ладонь на тёмную оболочку. Под ней медленно двигалось тепло.

Утром орбитальное семя было самым сложным творением, которое Мюриды собирались поднять над Лиавелью. Теперь оно стало первым, что начало приспосабливаться к небу раньше своих создателей.

Алиэль спустилась к совету. Над садом угасала неизвестная нить, а бутон хранил форму, выбранную под её движением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.